

П.В. Тепляшин

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ КОМПЛАЕНС: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА, ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ ДЛЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дается понятие пенитенциарного комплаенса. В контексте реализации уголовно-исполнительной политики Российской Федерации излагаются факторы актуализации европейского пенитенциарного комплаенса. Отмечается динамично распространяющаяся социально-правовая тенденция расширения процесса судебного контроля над исправительными учреждениями и различными правами осужденных со стороны Европейского Суда по правам человека. Делается вывод о наличии стратегических рисков для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации со стороны практического расширения феномена европейского пенитенциарного комплаенса.

Ключевые слова: концепция реабилитации; международный договор; национальное законодательство; пенология; пожизненное тюремное заключение; пилотное решение; правовые позиции; Совет Европы.

Под пенитенциарным комплаенсом допустимо понимать обеспечение соответствия функционирования учреждений, исполняющих уголовные наказания, законодательству в сфере исполнения уголовных наказаний посредством разработки, реализации и соблюдения определенных процедур и правил обращения с осужденными. Обращаясь к европейскому пенитенциарному комплаенсу, необходимо закрепить его цель, которая может быть представлена в виде минимизации рисков, связанных с возможными нарушениями требований стандартов международного уровня, а также инициированных решений в этой области, принятых под эгидой Совета Европы.

Проблематика европейского пенитенциарного комплаенса актуальна в силу того обстоятельства, что вступление России в Совет Европы и последующая ратификация Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод привели к радикальным изменениям в характере условий содержания осужденных и лиц, находящихся под стражей. При этом процесс активного приведения отечественного законодательства в соответствие с рекомендациями международных и европейских стандартов в области обращения с осужденными во многом отражает лишь дискретную и непоследовательную реализацию положений ч. 1 ст. 3 УИК РФ, суть которых сводится к неукоснительному соблюдению Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

Факторы актуализации европейского пенитенциарного комплаенса находятся в русле имеющихся попыток коренного изменения уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. Причем особым фактором и фактически средством реализации такого комплаенса выступает практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), которая показывает его преторианский характер деятельности, выражающийся в постепенном расширении влияния судебных решений на необходимость корректировки национального законодательства. Не случайно В.И. Селиверстов пишет: «Применительно к стандартам Европы существует практика превращения норм-рекомендаций в обязательные установления. И эта

практика уже коснулась России» [1. С. 235]. Так, относительно требований к условиям содержания в одиночных камерах В.И. Селиверстов указывает, что «западноевропейские государства значительно легче перенесут изменение правовых позиций ЕСПЧ, поскольку у них тюремная система построена и она ориентирована на одиночное заключение осужденных в камерах на полные сутки или на ночь. Россия с ее громадным географическим разбросом исправительных учреждений, их ветхостью и непригодностью к такому содержанию осужденных окажется в довольно сложном положении: время упущено, тюремная реформа не состоялась, пришло время “платить” по обязательствам перед Советом Европы» [Там же. С. 236].

Необходимо заметить, что среди иностранных ученых-пенитенциаристов также распространено мнение о расширении процесса судебного контроля над исправительными учреждениями и различными правами осужденных как динамично распространяющейся социально-правовой тенденции, которая способствует прогрессивному развитию современных государств [2, 3]. Данная тенденция усиления влияния международных правозащитных организаций и судов на практику функционирования пенитенциарных учреждений обнаруживается с 60-х гг. XX столетия. Европейские судебные и инспекционные органы, которые разделяют общие принципы «глобальной справедливости», в последние годы приобретают все большее значение в области обращения с осужденными, соблюдения прав человека в рамках границ отдельных национальных государств. Так, по мнению Г. Кликуенноиса, национальная пенитенциарная политика европейских государств все более контролируется Советом Европы и Европейским союзом при тесном взаимодействии таких органов, как Европейский суд по правам человека, Комитет по предупреждению пыток и Комитет министров [4. Р. 1, 17]. Хотя справедливости ради нельзя не заметить, что при таком взаимодействии решаются достаточно сложные задачи европейской пенологии. Например, ряд исследователей указывает на успехи и прогрессивное развитие ювенальной реституционной юстиции, которая реализуется в пенитенциарных системах западноев-

ропейских стран уже более тридцати лет [5. Р. 628, 632–637], усиление, в сравнении с недостаточно принципиальной правозащитной практикой США (особенно после событий 11 сентября 2001 г.), общеевропейского подхода к надзорной деятельности за местами принудительного содержания лиц и предупреждение пыток, бесчеловечного и унижающего человеческого достоинство обращения в местах изоляции осужденных от общества [6. Р. 213].

Ряд авторов неоднозначно относятся к решению ЕСПЧ по рассмотрению вопроса о том, имеют ли лица, содержащиеся в исправительных учреждениях и страдающие синдромом героиновой зависимости, право на лечение опиоидным агонистом (ОАТ) [7. Р. 31–36; 8. Р. 3–9]. Специалистами Международного консорциума по политике в области наркотиков указывается, что по своему фармакологическому действию опиоидные агонистические препараты, назначаемые для лечения синдрома опиоидной зависимости в режиме заместительной терапии, имеют иной эффект, нежели опиоиды, используемые в гедонических целях в немедицинских условиях. Эти лекарства оказывают положительное влияние на людей, находящихся на лечении, а именно стабилизируют эмоциональное состояние, уменьшают или устраняют субъективные усиливающие эффекты, вызывающие зависимость, и защищают от опиоидной индуцированной смерти, поэтому они являются центральным элементом лечения, объединяющим медицинские, психологические и социальные аспекты. В силу клинической эффективности, надлежащий доступ к этим лекарствам приводит к значительному снижению смертности и сопутствующих заболеваний, в том числе связанных с внутривенным употреблением героина [9]. С учетом указанных обстоятельств ЕСПЧ, ссылаясь на ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция), пришел к выводу о том, что государства – члены Совета Европы, которые отказываются от использования ОАТ, обязаны гарантировать, что иной альтернативный медицинский подход к лечению наркозависимых осужденных будет таким же эффективным [10]. Тем самым государства фактически вынуждены оптимизировать национальную практику обращения с наркозависимыми осужденными по пути одного из двух указанных вариантов, каждый из которых сам по себе уже является крайне сложной и неоднозначной задачей, включающей медицинский, социальный и правовой аспекты.

Как отмечает Д. Темперман, ЕСПЧ уполномочен следить за соблюдением гораздо более общей свободы религии или вероисповедания осужденных, нежели прописано в стандартах мягкого права – Европейских пенитенциарных правилах и Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 г. В частности, Страсбургский суд уточняет указанные стандарты в таких областях, как посещение тюремной церкви, общение с духовенством, диетические требования и использование религиозных предметов в тюремных камерах [11. Р. 49–67]. Кроме того, несмотря на то что Конвенция прямо не признает никаких социальных прав на помощь (кроме права на образова-

ние), Страсбургский суд, как указывает Е.С. Куэнка, широко толкует признанные гражданские и политические права, крайне разнообразно осуществляет защиту этих прав. По мнению ученого, одним из методов, используемых ЕСПЧ, выступает доктрина о позитивных обязательствах государств (в частности, защита здоровья, жилья, гарантии социальных пособий и помощь людям с ограниченными возможностями) в рамках европейской судебной практики. Фактически роль ЕСПЧ состоит в активизации государств к принятию законодательства, направленного на реализацию «позитивных обязательств» и социальных прав граждан, включая осужденных лиц [12].

По мнению М. Рогана, «политика и стандарты Совета Европы защищают так называемый редуционистский подход к тюремному заключению, которому следует ЕСПЧ... акцент в европейской уголовной политике является реабилитационным... реабилитация была и должна быть главной целью уголовной практики» [13. Р. 326–327, 329]. Признание «права на надежду» и характерное проявление комплаенса в европейском тюремном праве началось с решения Европейского суда по правам человека от 9 июля 2013 г. по делу «Vinter and Others v. the United Kingdom» (жалоба № 66069/09, 130/10, 3896/10), согласно которому лица, отбывающие пожизненное тюремное заключение, всегда должны иметь право на освобождение и дальнейшую реабилитацию. При этом, если внутреннее национальное законодательство не предусматривает возможности пересмотра приговора по любым возможным основаниям в сторону смягчения правового положения осужденного, пожизненный срок не может соответствовать стандартам статьи 3 Конвенции [14]. В деле «Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria» (жалоба № 15018/11, 61199/12), основанием которого была жалоба первого заявителя на то, что вынесенный в отношении него приговор к лишению свободы пожизненно без возможности смягчения наказания и в отсутствие каких-либо перспектив реабилитации приравнивается к бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство наказанию в нарушение требований ст. 3 Конвенции, жалоба второго заявителя на то, что вынесенный в отношении него приговор к лишению свободы пожизненно с возможностью смягчения наказания сопряжен с отсутствием эффективного внутригосударственного средства правовой защиты такой возможности, ЕСПЧ указал, что «акцент на реабилитацию и реинтеграцию должен стать «обязательным фактором», который должны учитывать государства-члены при разработке их уголовной политики... хотя статья 3 Конвенции не может толковаться как наложение на государство абсолютной обязанности обеспечить заключенных реабилитационными программами и мероприятиями по их реинтеграции в виде соответствующих курсов или консультаций, но требует предоставить пожизненно заключенному шанс, пусть и отдаленный, на то, что он когда-нибудь вернется к своей свободе. Чтобы этот шанс был подлинным и ощутимым, государство должно также предоставить пожизненно заключенным «надлежащую возможность реабилитироваться самим» [15]. В свою

очередь по делу «Murray v. The Netherlands» (жалоба № 10511/10) ЕСПЧ постулировал, что заключенные, отбывающие пожизненное тюремное заключение, «также должны быть допущены к участию в профессиональной или иной деятельности, которая может быть полезной для их реабилитации».

Кстати, по делу «Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации» (жалоба № 41418/04) ЕСПЧ установил, что контакты осужденного, отбывающего пожизненное лишение свободы в исправительной колонии особого режима на строгих условиях, с внешним миром были ограничены только телефонными звонками и визитами родственников один раз в шесть месяцев, не более четырех часов, в ходе которых у Хорошенко с посетителями отсутствовал прямой физический контакт, поскольку они были отделены друг от друга стеклянной перегородкой, сотрудник исправительного учреждения всегда находился рядом на расстоянии прослушивания разговора. ЕСПЧ пришел к выводу о недопустимости однозначного запрета осужденному длительных свиданий в течение первых десяти лет отбывания наказания [16, 17].

Можно констатировать, что к настоящему времени оформилась четкая комплаенс-траектория со стороны европейских правозащитных органов поддержки идеи о том, что всем заключенным, в том числе отбывающим пожизненное тюремное заключение, должны быть предоставлена возможность реабилитации и перспектива (досрочного) освобождения. Ряд авторов, исследуя профилактический эффект надлежащего порядка освобождения заключенных из исправительных учреждений, отмечают, что «освобождение из тюрьмы представляет собой один из наиболее фундаментальных и конкретных поворотных моментов, которые может испытать человек. Этот переходный период сопровождается значительными изменениями в жизни человека, поскольку он или она должна восстановить старые отношения, сформировать новые отношения и столкнуться с проблемами, связанными с поиском жилья и занятости... именно перед освобождением формируется четкая обратная зависимость между уровнем поддержки семьи и намерением заниматься преступной деятельностью» [18. Р. 198].

Идея ресоциализации стала рассматриваться через формирование у осужденного принципа «усиления личной ответственности», который подразумевает осознанное движение от первых дней действия приговора, когда акцент делается на наказание и возмездие, к этапу его подготовки к освобождению. Как отмечает С. Мейер, «государства должны проводить индивидуальную оценку того, что означает “надлежащая возможность реабилитации” для осужденного. Среди реабилитационных мероприятий приоритет должен отдаваться потребностям заключенных. При этом индивидуальные потребности будут варьироваться от случая к случаю... толкование концепции реабилитации со стороны ЕСПЧ и государств-членов может быть интерпретировано по-разному» [19. Р. 151–152].

Еще одним проявлением редукционистского подхода правозащитной деятельности ЕСПЧ и обнаружением европейского пенитенциарного комплаенса представляется допустимым считать основанное на

ст. 10 и 14 Конвенции продуцирование механизмов защиты возможностей заключенных на прямое право голоса как выражение свободного мнения политического характера и преодоление дискриминации «по любым иным признакам». Данное направление правозащитной деятельности, по мнению Г. Конвея, выступает «ответом на тоталитарные национальные правовые системы» [20. Р. 138]. Так, в деле «Hirst v. United Kingdom» (жалоба № 74025/01) ЕСПЧ постановил, что полный запрет Соединенного Королевства на право политического голоса заключенного нарушает Протокол 1 ст. 3 Конвенции, нивелирует принцип всеобщего избирательного права и идею минимальных прав человека в их полноценном развитии и эволюционном понимании [21].

Таким образом, высвечивая тенденцию европейского пенитенциарного комплаенса и прогнозируя дальнейшую траекторию редукционистского подхода ЕСПЧ к тюремному заключению можно указать вероятность его продуцирования на проблемы так называемой лингвистической изоляции иностранных осужденных. Так, Э. Галлез отмечает, что процессы интенсивной миграции за последние двадцать пять лет, мультикультурализм и многоязычие становятся реальностью и проблемой европейских тюрем. Однако отсутствие реальных механизмов решения этой проблемы приводит к социальной изоляции осужденных, ставит под угрозу их освобождение и социальную реинтеграцию [22. Р. 738].

В заключение необходимо отметить стратегические риски (не рассматриваем их исключительно в негативном ключе) для уголовно-исполнительного законодательства и уголовно-исполнительной системы Российской Федерации со стороны практического расширения феномена европейского пенитенциарного комплаенса:

1) влияние норм и принципов международного и европейского пенитенциарного права на уголовно-исполнительную систему Российской Федерации показывает, что последняя утрачивает энергичный характер развития и приобретает определенную инертность, о чем в первую очередь свидетельствует отказ от намерения государства повысить эффективность работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и наметившийся переход к достаточно абстрактному и во многом инертному совершенствованию деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов. В связи с чем заметим, что отечественная уголовно-исполнительная политика должна приобретать стратегический и концептуальный характер. Не случайно В.А. Уткин обоснованно указывает, что «Концепция развития УИС должна быть нацелена, помимо прочего, на формирование у системы таких качеств, которые позволят ей дать эффективный ответ на существующие и потенциальные риски и вызовы, связанные с изменениями уголовно-карательной политики» [23. С. 212];

2) отчетливее высвечивается отсутствие научно проработанного и адаптированного к текущим задачам оптимизации уголовно-исполнительной системы механизма имплементации норм и принципов международного пенитенциарного права, что привело к со-

зданию ситуации неочевидности перспектив влияния международных пенитенциарных стандартов и европейской практики защиты прав заключенных на ответственное уголовно-исполнительное законодательство;

3) обнаруживается отсутствие научно проработанного и практически апробированного механизма амортизации решений Европейского суда по правам

человека, что не позволяет выстраивать адекватную систему тактических и стратегических мер реагирования на подобные решения и своевременно предупреждать принятие ЕСПЧ пилотных решений, значительно подрывающих репутационные составляющие уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиверстов В.И. Перспективы тюремного содержания осужденных в свете национальных интересов России, зарубежного опыта и международных стандартов // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2018. № 3. С. 229–238.
2. Oldenburg C.E., Perez-Brumer A.G., Reisner S.L., Mayer K.H., Mimiaga M.J., Hatzembuehler M.L., Bärnighausen T. Human rights protections and HIV prevalence among MSM who sell sex: Cross-country comparisons from a systematic review and meta-analysis // *Global Public Health*. 2018. Vol. 13, is. 4. P. 414–425.
3. *Privatising Punishment in Europe?* / ed. Tom Daems, Tom Vander Beken. London : Imprint Routledge, 2018. 200 p.
4. *Monitoring Penal Policy in Europe* / ed. Gaëtan Cliquennois, Hugues de Suremain. London : Imprint Routledge, 2017. 202 p.
5. Reyes-Quilodrán C., Labrenz C.A., Donoso-Morales G. Comparative juvenile criminal justice systems: Contrasts between Chile and Western Europe // *Politica Criminal*. 2018. Vol. 13, is. 25. P. 626–649.
6. Hamilton C. The European Union: Sword or shield? Comparing counterterrorism law in the EU and the USA after 9/11 // *Theoretical Criminology*. 2018. Vol. 22, is. 2. P. 206–225.
7. Junod V., Wolff H., Scholten W., Novet B., Greifinger R., Dickson C., Simon O. Methadone versus torture: The perspective of the European court of Human Rights // *Heroin Addiction and Related Clinical Problems*. 2018. Vol. 20, is. 1. P. 31–36.
8. Rogan M. Human rights and correctional health policy: A view from Europe // *International Journal of Prisoner Health*. 2017. Vol. 13, is. 1. P. 3–9.
9. Opioid agonist treatment – Guiding principles for legislation and regulations. International Drug Policy Consortium. A global network promoting objective and open debate on drug policy. URL: <https://idpc.net/publications/2018/08/opioid-agonist-treatment-guiding-principles-for-legislation-and-regulations> (дата обращения: 24.02.2019).
10. Opioid agonist treatment Guiding principles for legislation and regulations. URL: <https://rm.coe.int/2017-ppg-15-oat-guidingprinciples-final-eng/16808b6d9e> (дата обращения: 24.02.2019).
11. Temperman J. Freedom of Religion or Belief in Prison: A Critical Analysis of the European Court of Human Rights' Jurisprudence // *Oxford Journal of Law and Religion*. 2017. Vol. 6, is. 1. P. 48–92.
12. Cuenca E.C. Social rights of assistance and positive obligations of the state in the case-law of the European Court of Human Rights // *Revista de Derecho Politico*. 2017. Is. 100. P. 1209–1238.
13. Rogan M. Discerning penal values and judicial decision making: The case of whole life sentencing in Europe and the United States of America // *Howard Journal of Crime and Justice*. 2018. Vol. 57, is. 3. P. 321–338.
14. European Court of Human Rights. CASE OF VINTER V. UNITED KINGDOM. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre-press#{"itemid":\["001-122664"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre-press#{) (дата обращения: 27.02.2019).
15. European Court of Human Rights. CASE OF HARAKCHIEV AND TOLUMOV V. BULGARIA. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Index_1999-2014_ENG.pdf (дата обращения: 22.01.2019).
16. European Court of Human Rights. CASE OF MURRAY V. THE NETHERLANDS. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/CP_Netherlands_ENG.pdf (дата обращения: 22.01.2019).
17. European Court of Human Rights. CASE OF KHOROSHENKO V. RUSSIA. URL: [https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{"fulltext":\["Khoroshenko%20v.%20Russia"\]}](https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{) (дата обращения: 22.01.2019).
18. Boman J.H., Mowen T.J. The role of turning points in establishing baseline differences between people in developmental and life-course criminology // *Criminology*. 2018. Vol. 56, № 1. P. 191–224.
19. Meijer S. Rehabilitation as a Positive Obligation // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2017. Vol. 25, is. 2. P. 145–162.
20. Conway G. Prospects and problems for European legal cooperation concerning prisoners // *European Journal of Probation*. 2018. Vol. 10, is. 2. P. 136–159.
21. European Court of Human Rights. CASE OF HIRST V. UNITED KINGDOM. URL: [https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{"fulltext":\["Hirst%20v.%20United%20Kingdom"\]}](https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{) (дата обращения: 25.01.2019).
22. Gallez E. Foreigners and Refugees Behind Bars: How Flemish Prisons Tackle Linguistic Barriers // *The European Legacy*. 2018. Vol. 23, № 7–8. P. 738–756.
23. Уткин В.А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 210–214.

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 мая 2019 г.

The European Penitentiary Compliance: Problem Statement, Actualization Factors and Strategic Risks for the Penitentiary System of the Russian Federation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 235–239.

DOI: 10.17223/15617793/444/31

Pavel V. Teplyashin, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russian Federation); Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: pavlushat@mail.ru

Keywords: concept of rehabilitation; international treaty; national legislation; penology; life imprisonment; pilot decision; legal positions; Council of Europe.

The aim of the article is to clear up the phenomenon of European penitentiary compliance and its possible effect on the penal policy of the Russian Federation. The research is based on the analysis of decisions, including pilot ones, of the European Court of Human Rights (ECHR). The basic method of research consists in the content analysis of legal positions of the European human rights bodies and provisions of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. The article gives the concept of penitentiary compliance. Within the context of realization of the penal policy of the Russian Federation, some facts of actualization of European penitentiary compliance are presented. It is pointed out that Russia's accession to the European Council resulted

in a radical change in the character of convicts' and detained people's treatment. However, the harmonization of Russian legislation with the recommendations of international and European penitentiary standards largely reflects the inconsistent realization of Part 1 of Article 3 of the Penal Executive Code of the Russian Federation. The essence of this part lies in the strict observance of the Constitution of the Russian Federation, generally accepted norms of the international law and international treaties of the Russian Federation. The dynamically spreading social legal tendency of greater court control over correctional institutions and various rights of convicts on the side of the ECHR is noted. The process of harmonization of Russian legislation with the recommendations of international and European standards and rules in the sphere of convicts' treatment is critically evaluated. The article deals with problems of application of the reductionist approach of the ECHR to the rehabilitation and early release of people serving a life sentence, to the protection of opportunities for convicts to have the right to speech, i.e. to express a free opinion of a political nature. The strategic risks for the penitentiary system of the Russian Federation is considered against the background of the practical broadening of the phenomenon of European penitentiary compliance. The article draws the conclusion on the clear lack of the mechanism of implementation of norms and principles of the international penitentiary law which is scientifically worked out and adopted to the current tasks of optimization of the Russian penitentiary system.

REFERENCES

1. Seliverstov, V.I. (2018) Prospects of Convicts' Imprisonment in Relation to Russia's National Interests, European Experience and International Standards. *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University Education and Pedagogical Studies*. 3 (802). pp. 229–238. (In Russian).
2. Oldenburg, C.E. et al. (2018) Human rights protections and HIV prevalence among MSM who sell sex: Cross-country comparisons from a systematic review and meta-analysis. *Global Public Health*. 13 (4). pp. 414–425.
3. Daems, T. & Vander Beken, T. (eds) (2018) *Privatising Punishment in Europe?* London: Imprint Routledge.
4. Cliquennois, G. & de Suremain, H. (eds) (2017) *Monitoring Penal Policy in Europe*. London: Imprint Routledge.
5. Reyes-Quilodrán, C. et al. (2018) Comparative juvenile criminal justice systems: Contrasts between Chile and Western Europe. *Política Criminal*. 13 (25). pp. 626–649.
6. Hamilton, C. (2018) The European Union: Sword or shield? Comparing counterterrorism law in the EU and the USA after 9/11. *Theoretical Criminology*. 22 (2). pp. 206–225. DOI: 10.1177/1362480616684195
7. Junod, V. et al. (2018) Methadone versus torture: The perspective of the European court of Human Rights. *Heroin Addiction and Related Clinical Problems*. 20 (1). pp. 31–36.
8. Rogan, M. (2017) Human rights and correctional health policy: A view from Europe. *International Journal of Prisoner Health*. 13 (1). pp. 3–9. DOI: 10.1108/IJPH-08-2016-0049
9. Opioid agonist treatment. (2018) *Guiding principles for legislation and regulations*. International Drug Policy Consortium. A global network promoting objective and open debate on drug policy. [Online] Available from: <https://idpc.net/publications/2018/08/opioid-agonist-treatment-guiding-principles-for-legislation-and-regulations>. (Accessed: 24.02.2019).
10. Opioid agonist treatment. (2017) *Guiding principles for legislation and regulations*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/2017-ppg-15-oat-guidingprinciples-final-eng/16808b6d9e>. (Accessed: 24.02.2019).
11. Temperman, J. (2017) Freedom of Religion or Belief in Prison: A Critical Analysis of the European Court of Human Rights' Jurisprudence. *Oxford Journal of Law and Religion*. 6 (1). pp. 48–92.
12. Cuenca, E.C. (2017) Social rights of assistance and positive obligations of the state in the case-law of the European Court of Human Rights. *Revista de Derecho Político*. 100. pp. 1209–1238.
13. Rogan, M. (2018) Discerning penal values and judicial decision making: The case of whole life sentencing in Europe and the United States of America. *Howard Journal of Crime and Justice*. 57 (3). pp. 321–338. DOI: 10.1111/hojo.12251
14. European Court of Human Rights. (2013) *Case of Vinter and Others v. United Kingdom*. [Online] Available from: [https://hudoc.echr.coe.int/fre-press#{"itemid":\["001-122664"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre-press#{). (Accessed: 27.02.2019).
15. European Court of Human Rights. (2014) *Case of Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria*. [Online] Available from: https://www.echr.coe.int/Documents/Index_1999-2014_ENG.pdf. (Accessed: 22.01.2019).
16. European Court of Human Rights. (2016) *Case of Murray v. the Netherlands*. [Online] Available from: https://www.echr.coe.int/Documents/CP_Netherlands_ENG.pdf. (Accessed: 22.01.2019).
17. European Court of Human Rights. (2015) *Case of Khoroshenko v. Russia*. [Online] Available from: [https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pa-ges/search.aspx#{"fulltext":\["Khoroshenko%20v.%20Russia"\]}](https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pa-ges/search.aspx#{). (Accessed: 22.01.2019).
18. Boman, J.H. & Mowen, T.J. (2018) The role of turning points in establishing baseline differences between people in developmental and life-course criminology. *Criminology*. 56 (1). pp. 191–224.
19. Meijer, S. (2017) Rehabilitation as a Positive Obligation. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 25 (2). pp. 145–162. DOI: 10.1163/15718174-25022110
20. Conway, G. (2018) Prospects and problems for European legal cooperation concerning prisoners. *European Journal of Probation*. 10 (2). pp. 136–159. DOI: 10.1177/2066220318792312
21. European Court of Human Rights. (2005) *Case of Hirst v. United Kingdom*. [Online] Available from: [https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{"fulltext":\["Hirst%20v.%20United%20Kingdom"\]}](https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{). (Accessed: 25.01.2019).
22. Gallez, E. (2018) Foreigners and Refugees Behind Bars: How Flemish Prisons Tackle Linguistic Barriers. *The European Legacy*. 23 (7–8). pp. 738–756.
23. Utkin, V.A. (2018) The penitentiary system modernization concept as a doctrinal political and legal act. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 431. pp. 210–214. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/431/29

Received: 07 May 2019